

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. – М.: Academia, 1997. – 275с.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 777 с.
3. Воркачев С.Г. Постулаты лингвоконцептологии // Антология концептов.– М.: Гнозис, 2007. – С.11–12.
4. Гейдеко В.А. А. Чехов и Ив. Бунин. – М.,1987. – 300 с.
5. Залевская А.А. Психологические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
6. Звегинцев В.А. Стиль в лингвистике и литературоведении // Проблемы теории и истории литературы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 13 с.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
8. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. – М.: Гнозис, 2008. – 374 с.
9. Красных В.В. Свой среди чужих: миф или реальность. – М.: Гнозис, 2003. – 376 с.
10. Линков В.Я. Художественный мир прозы А.П. Чехова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 128 с.
11. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.
12. Семанова М.П. Чехов в школе. – Л.: Учпедгиз, 1954. – 282 с.
13. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык. 1981–1984. – Т.2. – 1982. – 736 с.
14. Соловьев В.С. Соч. в 2 т.– М.: Мысль, 1990. – Т 2. – 823 с.
15. Турков А.М. Чехов и его время. – М.: Сов. Россия, 1980. – 528 с.
16. Чехов А.П. Полное собрание сочинений: в 30 т.– М.: Наука, 1978. – Т.17. – 526 с.
17. Чехов А.П. Собр. соч.: в 8 т. – М.: Правда, 1970. – Т.6. – 459 с.

Ю.В. Мишина

ЭВОЛЮЦИЯ АСПЕКТУАЛЬНОГО КОМПОЗИТА
WESAN + PARTIZIP I / INFINITIV В ПАМЯТНИКАХ
ПИСЬМЕННОСТИ XIII–XVI ВЕКОВ

В круге задач изучения глагольной системы немецкого языка важное место занимает исследование аспектологических характеристик глагола. Современная многоуровневая глагольная микросистема, не имеющая в парадигме своих форм категории вида, в значительной степени является результатом эволюции процессов словоизменения германского глагола. На

ранних этапах формирования системы немецкого языка существование видовых композитов соответствовало общегерманским тенденциям образования видовременных аналитических конструкций. Но языковые факты не могут восприниматься как последовательная реализация определенной регулируемой системы общего развития языка, в большинстве случаев языковые факты единичны, случайны и разобщены. Вследствие этого, эволюция аспектуальных композитов на протяжении развития немецкой глагольной системы происходит неравномерно: одни входят в качестве грамматической категории в парадигму временных форм немецкого глагола с полной нейтрализацией эксплицируемого акционсартного значения (mhd., fhhd. *werdan* + Partizip I / Infinitiv), другие выходят из употребления (mhd. *tuon* + Infinitiv), третьи видоизменяют свою структуру (ahd., mhd. *wesan* + Partizip I / Infinitiv => nhd. *Er war am Schreiben*).

Согласно теории диахронических констант Ш. Зондерэггера [8: 207] вся история немецкого языка предстает как постоянное единство фактов сохранения и обновления языковой системы. В рамках данной теории особый интерес представляет дуративное сочетание *wesan* + Partizip I / Infinitiv, которое существовало в языке в определенный период истории немецкого языка, имело потенциальную возможность к включению в систему аналитических конструкций немецкого языка, затем вышло из употребления, но функционирует в современном немецком языке в видоизмененной структуре.

В плане изучения специфики явлений языковых реликтов и языковых инноваций большое значение имеет выявление (экстра- и интралингвистических) факторов, предопределивших конкретное направление эволюции определенных языковых явлений на определенном временном отрезке. Целью данной публикации является выделение, в первую очередь, внутриязыковых факторов, совокупность которых обусловила исчезновение из языка дуративного оборота *wesan* + Partizip I / Infinitiv к началу нововерхненемецкого периода.

Дуративный оборот *wesan* + Partizip I возник еще в древневерхненемецкий период. В период средневековья его употребление возрастает (по материалам собственного исследования оборот наиболее часто встречается в период XIII-XIV веков, XV веку принадлежит крайне небольшое число употреблений (см. [5: 103]), а к концу XVI века постепенно сходит на нет. Конструкция *wesan* + Infinitiv появляется в средневерхненемецкий период («Тристан» Готфрида Страсбургского), основное количество примеров приходится на XV–XVI века.

Важным моментом для определения структуры сочетаний является установление характера взаимодействия глагола *wesan* с полнозначным глаголом в форме причастия настоящего времени или инфинитива. Исследование глагольных сочетаний в период их функционирования в языке вне категориальных единиц заранее подразумевает тесную связь грамматики и лексики, в связи с чем особое значение придается выделению наиболее ти-

пичных семантических разрядов глаголов, употребляющихся в глагольном сочетании, а также фиксированию фактов десемантизации и нейтрализации акционсартного значения сочетания.

Эволюция глагольных словосочетаний с *wesan* находится в непосредственной зависимости от процессов расширения и сужения лексического объема полнозначных глаголов, употребляющихся в форме причастия первого или инфинитива. Семантическое наполнение сочетания *wesan* + Partizip I характеризуется узостью лексического разнообразия полнозначных глаголов, употребляющихся в форме причастия настоящего времени. Это доказывают следующие факты: 1) Отсутствие случаев употребления с глаголами предельного видового характера; 2) Преимущественное употребление глаголов с дуративной семантикой. В подобных примерах причастие первое реализует в большей степени свои номинальные характеристики.

Als der christen mensch wartende ist eyn ewige spieß des obersten verstentlichen lebens – когда христианский человек есть ожидающий вечного счастья высшей жизни.

Engel, teufel, klagmutter, das sint geiste in gotes twange wesend – ангел, дьявол, плакательница, это духи есть пребывающие в принуждении господа.

Die rotgeferbte hute
Den unterhimmel duten,
In dem die engel wonende sint –
Окрашенные красным шапки
Очерчивают край неба, в котором живут ангелы.

Daze er der werlte schedeliche lebende ist – что он живет в мире вредном.

Jo bin ich unerschreckt
Von allen den, die lebende sint – я не боюсь всех на земле живущих.

So ist michel schoene an ime verlorn und ist unnütze lebende ein mann – так он потерял большую красоту и теперь человек, который есть напрасно живущий.

Употребление стальных глаголов в качестве наполнения рассматриваемого сочетания, с одной стороны, не препятствует реализации семантики продолжительного глагольного действия. С другой стороны, употребление самой схемы *wesan* + Partizip I в вышеприведенных примерах никаким образом не преобразует значение, заложенное в исходном глаголе, семантику которого сложно представить еще более длительной. Сема «длительность» в словосочетании *er war lebende* реализуется с помощью трех маркеров: значение состояние исходного глагола, дуративность формы причастия настоящего времени и значение пребывания в определенном состоянии глагола-связки *wesan*. В структурном плане речь идет исключительно о синтаксических сочетаниях глагола-связки *wesan* с адъективизированным причастием настоящего времени, обладающих определенной степенью идиоматичности. В сочетании с группой глаголов состояния оборот выполняет описательную функцию. Если не затрагивать вопрос о

влиянии латинской письменности и средневековой переводческой деятельности на появление данного словосочетания в немецком языке, как это принято в классических грамматиках [6: 6; 7: 72; 9: 172 и др.], то причину распространения подобных перифрастических сочетаний можно объяснить характерной для немецкого языка тенденцией к двусоставности сказуемого, стремлением к раздельности выражения грамматического и семантического значений. Принадлежность подобных оборотов к синтаксису наглядно иллюстрирует следующий пример:

Bistu es ein ackerman, wonend in Behemer lande? – это ты землепашец, живущий в Бехемской земле?

Запятая в середине предложения показывает структурную неспайность компонентов оборота. Значение перифразы в целом представляется суммой значения ее компонентов. Глагол wesan в силу своей видовой индифферентности сохраняет статичность как семантическую доминанту, а причастие настоящего времени проявляет большую близость адъективу, обозначая качественные характеристики субъекта.

Глаголы других семантических групп представлены единичными примерами.

Глаголы, выражающие психические состояния и способы эмоционального поведения субъектов:

Die artent nach dem wazzer, unde sint frohlich lachende – они есть радостно смеющиеся, подобно воде.

Vnd sint alle die wreck Gottes ruwende in ym – и все произведения Господа, кричащие в нем.

Umbe daz ist er mich allez streichende, listende und schmeichende – он меня и ласкающий, да и лукавящий мне, да и льстящий.

Wer die viere nicht ganz aus dem mute treibet, der muss **alzeit** sorgende wesen – тот, не совсем испугает четверых, должен быть все время настороженным.

Sus will ich **immer** wunschende sin nach dem gewinne – иначе я буду постоянно быть желающим выгоды.

В двух последних примерах значение продолжительного способа действия поддерживается со стороны контекста. Сохранение лексических показателей длительности процесса наряду с неизменностью лексического объема оборота является одним из факторов, доказывающих инертность данного оборота.

Глаголы восприятия:

Junffrau wie sende waz din ellende – девушка, ваша нищета так созерцаема.

Глаголы других семантик:

Er waz nach hohem prise krigende – он был воюющим за высокую цену.

Die tiuvel sint iemer mer jagende – дьяволы все время охотятся.

Имеют место быть случаи нейтрализации длительного способа действия при употреблении с пунктуальными глаголами.

...dasselbigen gemiets bin ich noch und euch dasselb nochmals bittend – о той же самой комнате прошу я вас и еще раз.

Als jch doch yetzt hie (gebruch halb der zyt) stumpf vf hoeren musz und wil, mit flysz bittende ..., daz du mir soelich vorgrmelte vrteil schicken woellest – когда я только теперь здесь (прервав половину времени) остаток хочу и должен прекратить, с прилежанием прошу, чтобы ты мне это вышеупомянутое мнение выслал.

So sint ander gelert, die mir daz wider ratent, sagende ..., daz yemer schad were – таковы другие ученые, которые мне это снова советовали, говорили, что это всегда было вредно.

Процентное соотношение семантических разрядов глаголов, употребляющихся в причастном обороте, иллюстрируют следующие показатели: 41% составляют стальные глаголы, 15% – глаголы, выражающие психические состояния и процессы субъекта, по 8% приходится на глаголы восприятия и глаголы говорения и 28% – глаголы разнообразных лексических значений.

С точки зрения эксплицируемого значения, конструкция с инфинитивом мало чем отличается от конструкции с причастием.

Наиболее крупной семантической группой в инфинитивном обороте, как и в причастном, представлены стальные глаголы. Примеров с глаголами предельного видового характера в инфинитивном обороте нет.

Sie legt sich auff das pette und setzet die schalen mit dem toten hertze auf ir hertze und was wartten des todes – она ложиться на кровать, кладет чаши с мертвым сердцем на свое сердце и ждет смерти.

Tribe ich die zit vergebene hin,

So zitic ich ze lebene bin – провожу я напрасно здесь время, так временно я есть живущий.

...ich bin in gantzem steten willen den tag deiner zukunft erharren mit keuschheit meins leibs – я ожидаю дня твоего возвращения с непорочностью моего тела.

В отдельную группу можно выделить глаголы, обозначающие различные занятия субъекта, которые, по мысли автора, реализуются как действия не актового характера. Другими словами, основной акцент ставится на занятие, в которое вовлечен или погружен субъект, даже если это занятие является процессом восприятия. В современном немецком подобное значение наглядно реализуется в обороте in etw. begriffen sein.

Und der gute mann in seinen predigen war langweilig zuhören – и хороший человек, скучая слушал его проповедей.

Ein trefflicher gelehrter herr, der vil bey der christlichen kitchen gethan hat, wie dann seine schriften bezeigen unnd war machen – превосходный учёный господин, который многое сделал в христианских церквях, о чём свидетельствуют его рукописи, и делает это сейчас.

Die mit dem künige waren jagen – которые охотились с королем.

Da man in dem essen was, da sprach der buer – так как в нем трапезничали, говорил крестьянин.

Значительная часть случаев употребления реализует дескриптивную функцию, что нередко объясняется ритмическими особенностями лирических произведений.

Der kunig der ersrak ser
Und hiez all maister her
Komen pald für sich
Daz sie im sagten sicherlich
Waz diez bedeuten wer
(her, ich sag dir mer).

Король очень испугался
И позвал всех знатоков,
Чтобы скоро пришли к нему
И уверенно ему сказали,
Что это значило.

Пример, приведенный ниже, представляет собой уже следующий этап развития рассматриваемой конструкции, а именно: вспомогательный глагол sein + предлог + субстантивированный инфинитив. Подобные обороты со значением дуративности типа er ist am /im / beim Lesen распространены и в современном немецком языке.

Wie wir aber wider in dem heimkehren waren, kamen wir inn ein dorf – когда мы были в пути домой, пришли мы в одну деревню.

Статистические данные представлены следующими цифрами: группа стальных глаголов составляет 33%, глаголы, выражающие различные действия и занятия субъекта – 42%, 25% приходится на группу глаголов с разнообразными лексическими значениями.

Несмотря на тот факт, что причастные обороты с глаголом *wesan* обладали большей частотой распространения, чем инфинитивные, узость лексического объема оборота, сохранение показателей длительности процесса, употребление преимущественно единообразных дуративных глаголов приводят к выводу об общей неразвитости производства причастий настоящего времени в языке исследуемого периода. Б.М. Балин в своем исследовании «Немецкий аспектологический контекст в сопоставлении с английским» говорит о том, что «причастия в самостоятельном употреблении во всех германских языках в сравнении со всеми другими глагольными словоформами встречаются нечасто» [2: 263]. Приведенная ниже таблица иллюстрирует ограниченную продуктивность немецкого причастия настоящего времени в период существования в языке причастного оборота со значением длительности глагольного действия.

Таблица

Семантический разряд глагола	Причастие, употребленное в конструкции	Причастие в самостоятельном употреблении
Статальные глаголы и глаголы, обозначающие длительные процессы	Wonend	Ein ackerman, wonend in Behemer lande Mit sampt yren inwonenden menschen Inwonende menschen
	Lebend	Leufet hin der menschen leben; iezunt lebend Und der lebenden tir gemeine Der lebende brot Kein lebende man In lebender vrische
	Schlafend	Slafenden lewen Do man sie slafend hadde gelacht In also slafend vant Aso slafend iezuo tot; Mehr stehend finden
	Sitzend	Ein man, sitzend auf einem ochsen Selbsitzenden man
Глаголы психического состояния	Lachend	Der lachende
	Minnend	Der minnende muot Die minnenden Der minnende man
	Weinend	Mit weinenden ougen zeere [=sere] Mit weinenden augen Mit weinendem herzen
Глаголы говорения	Sagend	Einen wissagenden geist Warsagende wunschelrute
	Sprechend	Binde euch, sprechend
Глаголы восприятия	Sehend	Und swes der gerne sehende man
Глаголы других семантик	Habend	Habende vngetruwe Liebhabend mane
	Wissend	Von vnwissender sachen Oder pint im ain rospain unwizzende an den hals Unwizzende gemachet haete
	Quellend	Dise quellende not

В левой колонке таблицы приведены причастия настоящего времени, наиболее часто встречающиеся в обороте, в правой – причастия сходной семантики, встречающиеся в проанализированных источниках в самостоятельном употреблении в роли определения, либо обстоятельства. (Более подробную информацию о таблице см.: [5: 104–106]).

Из таблицы наглядно видно, что в обороте употребляются те же причастия, которые наиболее часто встречаются в качестве определения к существительному. Этот факт свидетельствует о том, что сочетание *wesan + Partizip I* в структурном плане было синонимично составному именному сказуемому с прилагательным в именной части. Семантическая наполняемость данного аналитического образования была ограничена с одной стороны значением продолжительности действия, а с другой, вообще слабо развитой традицией образования и употребления причастий настоящего времени в немецком языке. Подобного мнения придерживается Г. Вундерлих, говоря о причине, по которой конструкция *wesan + причастие первое* оказалась чуждая немецкому языку, указывает на то, что «наше причастие всегда слишком близко стояло к прилагательному» [10: 37]. Заслуживает внимание мнение В.Н. Бублика, которое он высказывает в своей диссертационной работе «Корреляция глаголов *sein* и *werden* в средневерхненемецком языке». Автор определяет эволюцию конструкции *wesan + Partizip I* как идущую по замкнутому кругу: номинальность => вербальность => номинальность [3: 161]. Вероятнее всего, под периодом относительной вербализации оборота, автор имеет в виду древневерхненемецкий период. Собственный корпус примеров не позволяет нам сделать вывод о развитии конструкции в сторону аналитизма. С нашей точки зрения, схему развития дуративного словосочетания с глаголом *wesan* можно представить следующим диахроническим рядом: составное именное сказуемое *wesan + причастие настоящего времени* => одновременное сосуществование в системе языка оборотов с различной степенью идиоматичности *wesan + Partizip I* и *wesan + Infinitiv* => исчезновение дуративного оборота. Следует заметить, что распространенное в современном немецком языке глагольное сочетание *Er war am/im/beim Schreiben* (Verlaufsform в современной терминологии) нельзя считать результатом линейного развития средневерхненемецкого дуративного сочетания, время появления и распространения данного сочетания принадлежит совершенно иному этапу в развитии немецкого языка. Но, с другой стороны, не стоит отрицать общей природы данных сочетаний как реализации константной тенденции развития немецкого языка – формирования аналитических сочетаний для выражения длительности протекания действия.

Оборот с инфинитивом значительно уступает по частоте употребления обороту с причастием. Их процентное соотношение можно представить в виде пропорции 3 : 1. Можно предположить, что на данное положение вещей повлияли следующие синтаксические факторы:

- У ряда сильных глаголов форма инфинитива совпадает с абляутом

причастия второго, в связи с тем, что в ранненововерхненемецкий период не все глаголы могли образовывать причастие второе с суффиксом *ge*. Поэтому пассивная конструкция *wesan + Partizip II* от глаголов 6-го и 7-го рядов абляута была бы омонимична дуративной конструкции *wesan + Infinitiv*. В собранном корпусе примеров существует только один случай образования *wesan + Infinitiv* от сильного глагола *bleiben*, в то время как в подобной конструкции с причастием примеры от сильных глаголов представлены более широко (*bitten, sehen, vernehmen, geberen, sprechen, wesen, quellen, gedenken*). Омонимия грамматических форм всегда препятствует распространению или употреблению одного из омонимов и побеждает более сильный в функциональном плане вариант.

– С ранненововерхненемецкого периода распространяется опускание спрягаемой формы глагола, которая чаще всего является вспомогательным глаголом, а в значительно более редких случаях – глаголом связкой, в придаточном предложении. Это служит более тесному объединению сложноподчиненного предложения, т. е. «безглагольность возникает здесь именно в несамостоятельных, опирающихся на свое окружение синтаксических конструкциях и служит средством для достижения большей цельности предложения» [1: 314]. Что касается оборота с причастием, то несколько подобных примеров содержится в собранном корпусе:

Da sprach sie zu ir; wie waz Jesus von Nazaret gestalt da du in sehde...

Daz kam geloufen, so man seit, ze wer sich harte setzende und grimmlichen wetzende die zene....и др.

Примеров с инфинитивом в нашем эмпирическом материале нет.

Мы считаем, что этот факт можно объяснить следующим образом. В отличие от причастного оборота в одном инфинитиве достаточно сложно распознать дуративную конструкцию; тем более, если подлежащее стоит в первом или третьем лице множественного числа, то в случае утери вспомогательного глагола *wesan* значение самого предложения не преобразуется таким образом, чтобы коммуникативная задача была заметно изменена. Поэтому встает вопрос, если при потере одного из элементов конструкции смысл предложения сильно не меняется, то зачем тогда этот элемент, вообще нужен, и какой смысл применять эту конструкцию?

– Слабое положение конструкции с инфинитивом подтверждает факт появления оборотов с субстантивированным инфинитивом, что являет собой уже следующую ступень развития дуративных конструкций в немецком языке.

Следует также обратить внимание на временную форму, в которой употребляются данные обороты. Результаты достаточно интересны:

wesan + Partizip I – 2 примера в претеритуме, все остальные в презенсе, *wesan + Infinitiv* – 1 пример в презенсе, все остальные в претеритуме.

Редкое употребление конструкции с инфинитивом в настоящем времени имеет свое объяснение.

Выше уже рассматривался факт опускания спрягаемой формы глагола в придаточном предложении. При редукции вспомогательного глагола в форме *warten sin* получается просто *warten*, что не сильно видоизменяет значение предложения, а форме *warten waren* соответствует спрягаемая форма претеритума *warteten*. Видимо, в подобных случаях тенденция к двусоставности сказуемого нейтрализовывалась неоднозначностью формы глагольного сказуемого.

Последовательность развития сочетаний с инфинитивом на основе сочетаний с причастием, с одной стороны, доказывает структурную несостоятельность немецкого причастия первого как члена аналитического образования, с другой, – продолжает константную тенденцию развития сложных форм с инфинитивом в немецком языке, т. е. тенденцию преобразования составного именного сказуемого в аналитическую глагольную конструкцию.

Анализ семантического наполнения оборота позволяет заключить, что сема «длительность» безоговорочно реализуется при употреблении с глаголами состояния и глаголами других семантических групп, проявляющих свое дуративное значение в конкретном контексте. Многочисленные факты дескриптивного употребления оборота свидетельствуют о его безоговорочной принадлежности синтаксису. Процесс образования ряда аналитических времен, стремление к разделности выражения грамматического и лексического значения, переводческая деятельность послужили катализатором для распространения глагольных сочетаний с *wesan*, но тесная спаянность оборота в целом с семантикой полнозначного глагола послужила препятствием для вовлечения других лексических групп в сферу семантического наполнения.

При изучении языковых инноваций важное место, наряду с вопросом временной протяженности их функционирования, их продуктивности и влиянии, занимают ареальные данные: место возникновения языковой инновации, ядровой центр и места распространения. На основе собранного эмпирического материала исследуемый оборот наиболее часто встречается в следующих диалектах: западнофранкском, северноалеманском, южноалеманском, верхнерейнском, верхнепфальцском, верхнесаксонском. То есть, большинство диалектов, в которых распространён данный оборот, принадлежат верхненемецкому ареалу, за исключением верхнесаксонского, который относится к западносредненемецкому. Для того, чтобы картина ареального распространения была более полной, были рассмотрены также некоторые нижненемецкие и нидерландские произведения периода XIII–XV веков (т.е. времени наибольшей популярности данных дуративных конструкций), такие как нижненемецкое издание Легенды о святом Брендене «*Van dem hiligen Sunte Brandan*» XIII века и нидерландское издание того же самого произведения «*Van Sente Brandane*», где не было зафиксировано ни одного примера, содержащего описываемое явление. В качестве текстов XIV–XV веков использовались своды правил для госпиталей ниж-

ненемецких городов Любека и Барта и нидерландских городов Брюсселя, Иепера и Сент Лепроз, в которых также отсутствовали исследуемые случаи. Согласно М.М. Гухман [4], дуративные сочетания с глаголом *wesan* были широко распространены в ганзейских документах и языке нидерландской документации в XVI–XVIII веках, то есть гораздо позже, чем в группе верхненемецких диалектов. Подтвердить или опровергнуть данное утверждение не представляется возможным, так как исследуемый временной интервал ограничивается XVI веком.

Язык представляет собой саморегулирующуюся систему, которая из всех языковых явлений в процессе своего развития выбирает те, которые наиболее гармонично могут соответствовать основному пути движения конкретного языка. Широкое распространение аспектуальных глагольных сочетаний в ранненововерхненемецкий период было обусловлено характером системы языка в данный период, а также являлось результатом предыдущего языкового развития, тем самым подготовив почву для будущих видоизменений. Резюмируя сказанное выше, следует заметить, что представленное исследование генезиса словосочетаний *wesan + Partizip I / Infinitiv I* в процессе их эволюции на протяжении XIII – XVI веков наглядно иллюстрирует положение о том, что развитие языка представляет собой совокупность фактов сохранения и обновления языковых феноменов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони В.Г. Исторический синтаксис немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1963. – 335 с.
2. Балин Б.М. Немецкий аспектологический контекст в сопоставлении с английским. – Калинин: Калинин. гос. пед. ин-т, 1969. – 432 с.
3. Бублик В. Н. Корреляция глаголов *sein* и *werden* в средневерхненемецком языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Львов, 1971. – 276 с.
4. Гухман М.М. Историко-типологическая морфология германских языков. – М.: Наука, 1977. – 295 с.
5. Мишина Ю.В. Аспектуальные композиты *wesan + Partizip I / Infinitiv I, werden + Partizip I / Infinitiv I* в памятниках письменности XIII – XVI веков: Дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2006. – 134 с.
6. Grimm J. Deutsche Grammatik. Vierter Teil. – Göttingen: Dieterichsche Buchhandlung, 1837. – 467 S.
7. Paul H. Mittelhochdeutsche Grammatik. – Tübingen: Niemeyer Verlag, 1963. – 378 S.
8. Sonderegger S. Grundzüge deutscher Sprachgeschichte : Diachronie des Sprachsystems. Bd I. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1979. – 354 S.
9. Willmans W. Deutsche Grammatik. Abt. 3., 1. Hälfte. Verbum. – Berlin und Leipzig: Vereinigung wissenschaftlicher Verleger Walter de Gruyter & Co, 1922. – 327 S.
10. Wunderlich H. Der deutsche Satzbau. – Stuttgart: Verlag der J.G. Göttschen Buchhandlung, 1892. – 298 S.